

нов государственной власти, в том числе и органов внутренних дел. Справедливость как общеправовой принцип также находит свое отражение в правоприменительной деятельности органов внутренних дел, в том числе в рамках тех смысловых значений, которые были приданы ей Аристотелем. Наиболее наглядным подтверждением этому является необходимость установления справедливости (распределяющей) при вынесении органом внутренних дел правоприменительного решения в условиях усмотрения, т. е. при наличии дискреционных полномочий. Справедливость в таком случае выступает главным критерием выбора сотрудником органов внутренних дел одного из возможных вариантов правоприменительного решения в рамках нормы права.

УДК 340.1

А.В. Григорьев

О ВЛИЯНИИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ НА ПРОЦЕСС ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВА

Наиболее специфической формой реализации норм права в деятельности органов внутренних дел, выступающих участником правореализующей управленческой деятельности государства, является правоприменение. Оно занимает особое место в деятельности ОВД, поскольку связано с реализацией возложенных на них государством функций.

Нередко в юридической литературе отождествляют правоприменение и правоприменительную деятельность, эта тенденция характерна как для советского, так и современного периода развития учения о правоприменении. Например, Л.В. Карнаушенко отождествляет правоприменение и правоприменительную деятельность, практикуя как властно-распорядительную деятельность, осуществляемую государственными и негосударственными субъектами, наделенными специальной компетенцией, в специальном порядке, сроках и формах, и направленную на обеспечение условий реализации субъективных прав и юридических обязанностей, разрешение спорных ситуаций между субъектами правоотношений, осуществление мер юридической ответственности в отношении правонарушителей.

Характеризуя правоприменительную деятельность, В.А. Кучинский указывает, что она «чрезвычайно многообразна и предполагает наряду с принуждением использование широкого диапазона мер позитивного воздействия, включая констатацию предусмотренных законом юридических фактов положительного характера и поощрений».

Вопрос о соотношении понятий «правоприменение» и «правоприменительная деятельность» затронут не случайно, поскольку в научный аппарат данные термины вошли как синонимы и несут одинаковую смысловую нагрузку. В то же время, по нашему мнению, они не являются равнозначными. Следует согласиться с утверждением К.Н. Пономорева, что правоприменительная деятельность не сводится к изданию актов применения права, а «... включает большое количество неформальных связей и отношений: различные звенья правоприменительной системы, должностные лица оценивают состояние правопорядка, вырабатывают свои позиции по вопросам применения закона, высказывают мнения и влияют на мнения других лиц, принимают решения по конкретным делам, изменяют текущую практику, выступают с предложениями по совершенствованию законодательства и т. д.». Этот сложный механизм материально-правовых, процессуальных, организационных, технических, психологических и иных связей и отношений образует правоприменительную деятельность, что и отличает ее от применения права.

Попытки разграничения правоприменения и правоприменительной деятельности предпринимались Р.Х. Макуевым, который, анализируя применение права, указывал: «...смысл данного понятия не предполагает динамизма, не дает возможности представить модель в действии, в работе. Последнюю задачу берет на себя термин правоприменительная деятельность». Однако названный подход не получил широкого признания в юридической науке.

Полагаем, что к наиболее существенным признакам, характеризующим правоприменение, следует отнести следующие: организующий характер деятельности государственных органов; осуществление специально уполномоченными государством органами в пределах предоставленной компетенции правоприменения в рамках конкретных правоотношений; осуществление в особых, установленных законом формах; сочетание правоприменения с иными формами реализации права (соблюдением, исполнением, использованием); существование в форме ряда последовательных стадий; сопровождается вынесением индивидуального правового акта.

Исследование основных факторов, влияющих на правоприменение, и его современных проблем необходимо для совершенствования процесса правоприменения. К числу жизненных обстоятельств, которые будут содействовать или препятствовать процессу претворения норм права в жизнь, также относят правоприменительную практику, возрастание конфликтности и социальных противоречий в общественной жизни, упразднение ранее существовавших институтов социального контроля, несовершенство правового регулирования и ряд других.

Анализ научных источников по рассматриваемому вопросу позволяет сделать вывод, что одним из основных факторов, влияющих на правоприменение, является правоприменительная практика. Мы разделяем подход, в соответствии с которым правоприменительная практика определяется как «органическое единство реального правоприменения и выработанного в ходе него опыта, непосредственно участвующего в преобразовании, изменении общественных отношений, связанных с применением правовых норм». Такая практика охватывает всю практическую деятельность и все правоприменительные решения. Дело в том, что правоприменительная практика по-своему реагирует на принятый акт, реализуя применение конкретных правовых норм, предписаний к конкретным ситуациям. «По большому счету, – указывает В.В. Подгруша, – практика является индикатором качества нормативных правовых актов», хотя нередко правоприменитель, истолковывая ту или иную норму права, формирует практику, явно не согласующуюся с конституционными нормами и принципами. Такой же точки зрения придерживается и Э.А. Саркисова: «В ряде случаев именно ее (правоприменительной практики – А. Г.) консервативность, сложившиеся стереотипы, привычки объясняют либо неправильное применение уголовного закона, либо

неадекватное само законотворчество. Сложившиеся на практике привычные представления, нежелание от них отступать иногда автоматически переносятся в закон, который может уже даже на этапе своего принятия не соответствовать эволюционному развитию процесса влияния на преступность...».

Влияние правоприменительной практики на законотворчество, имеющее субъективную обусловленность, В.М. Хомич справедливо объясняет рациональными и иррациональными действиями субъектов правообразования и правоприменения. Более того, нередко замеченные на практике нормы как несоответствующие Конституции либо не согласующиеся с другими нормами продолжают применяться, поскольку вопросы об отмене либо изменении таких норм просто не ставятся в официальном порядке.

Отмечая значение правоприменительной практики, Н.Н. Волпенко и А.П. Рожков указывают на выполнение ею «функции сглаживания (снятия) противоречий между общественной жизнью и имеющимися в наличии правовыми нормами в традиционных юридических источниках права как принятых в данном обществе и государстве официальных формах выражения и закрепления права».

Таким образом, можно утверждать, что особенностью современного учения о применении права выступает значительное влияние наряду с иными факторами правоприменительной практики на процесс применения права.

УДК 94(476)«1917»

А.Д. Гронский

РАСФОРМИРОВАНИЕ СТРУКТУР ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

Февральская революция 1917 г., уничтожив монархию, сделала ненужными и структуры, охранявшие ее. Новая власть решила, что не нуждается в аппарате подавления антиправительственных выступлений. Временным правительством 6 марта был упразднен Отдельный Корпус жандармов, а 10 марта – Департамент полиции. Однако в прифронтовые губернии эти новости дошли с опозданием. Так, 12 марта 1917 г. начальник штаба Двинского военного округа сообщил новому руководству Витебской губернии о расформировании полиции и жандармерии. На основании этого витебский губернский комиссар обратился к начальнику Витебского жандармского управления полковнику А.Р. Шульцу. Комиссар, назвав полковника «бывшим начальником», сообщил, что все жандармские офицеры и нижние чины должны перейти в распоряжение воинских начальников, из них должны были формироваться особые команды для дальнейшего, отправления на фронт. В Минске подобный приказ из Главного управления Генштаба был получен лишь 25 апреля 1917 г. При этом не все жандармские структуры подлежали расформированию. Те из них, которые могли принести реальную пользу воюющей стране, должны были существовать еще некоторое время.

Однако новая власть начала с перегибов. Например, было расформировано железнодорожное жандармское управление в Минске (хотя сам город находился менее чем в 100 км от линии фронта). Железнодорожная жандармская полиция выполняла разнообразные функции, в том числе связанные с контролем над перемещением военнопленных. В прифронтовых условиях эффективная полицейская служба на железной дороге являлась насущной необходимостью, но в период революционной эйфории элементарные рассуждения уступали место эмоциям, поэтому проблема контроля над железной дорогой решалась просто: вместо профессионально подготовленной жандармской полиции функции по контролю были возложены на представителей народной милиции. Проблема состояла в том, что милиция не была подготовлена к несению жандармско-полицейской службы на железной дороге и часто попросту не знала, что делать в той или иной ситуации. Например, в Минске на железнодорожных путях был найден неопознанный труп. Милиционеры, видимо, не проведя никакого расследования, почему-то решили доставить труп ближайшему воинскому начальству, которое в силу специфики своей работы никогда не занималось расследованием смертей гражданских лиц на железных дорогах. Это было дело расформированной на тот момент железнодорожной жандармской полиции. После Февральской революции функции жандармов перешли к милиции, но она устранилась от всякого расследования, переложив эту проблему на военных. Военные, в свою очередь, обратились к гражданской администрации города с просьбой объяснить, куда сдать труп «ввиду расформирования железнодорожной жандармской полиции». Гражданский комендант Минска посоветовал им доставить труп в больницу и сообщить о случившемся судебному следователю.

Большую роль в «борьбе» с жандармскими структурами сыграли всевозможные комиссии, созданные в армии. Например, в начале апреля 1917 г. Объединенная комиссия офицерских и солдатских депутатов решила, что в прифронтовых губерниях не проведены «меры изолирования опасных для нового строя слуг старого режима». По мнению комиссии, отправленные на фронт жандармы и полицейские оказывали на армию «растлевающее влияние». Для прекращения деятельности «этих элементов» Объединенная комиссия предложила осуществить некоторые меры. Во-первых, задерживать всех чинов жандармской, тайной и общей полиции и направлять их в распоряжение воинских начальников. Во-вторых, срочно вывести из всех боевых и тыловых частей уже служащих там полицейских и жандармов. В-третьих, распределить их равномерно по строевым частям передовой линии с обязательной письменной отметкой об их предыдущей службе. В-четвертых, жандармских и полицейских офицеров не назначать на командные должности. Видимо, члены Объединенной комиссии не понимали, что, направляя на фронт «слуг старого режима», они тем самым давали им возможность для продолжения «растлевающего влияния» в армии. Таким образом, комиссия просто бравировала внезапно полученной властью, не зная, куда ее приложить, и противоречила своими постановлениями своим заявлениям.